

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических
наук Конопаткина Владислава Алексеевича на тему:
«Саморепрезентация Римской императорской власти в V веке н.э.»
по специальности 5.6.2. Всеобщая история

Диссертационное исследование Владислава Алексеевича Конопаткина нацелено на решение фундаментальной научной проблемы. Диссертант обращается к изучению природы императорской власти в V в. н.э., стремясь дать собственный ответ на непростой вопрос: что значило быть римским императором? Эта амбициозная задача решается в русле современного политико-антропологического подхода — через изучение (само)репрезентации императорской власти. В центре исследования оказываются не формальные институты, не политическая, социальная, экономическая история, но политическое воображение носителя этой власти и её реципиентов; исследуется символическая коммуникация как процесс, в ходе которого рождаются и легитимируются модели политического поведения для властных и подвластных слоёв населения; такие модели, с перспективой теоретических взглядов автора диссертации, служат ключевым фактором стабильности социальной и политической системы государства. Привлекается обширнейшая историография на разных европейских языках (прежде всего, на английском и немецком) и не менее внушительная источниковая база на латинском и древнегреческом, включающая в себя материалы нарративного, законодательного, эпиграфического, нумизматического, а также изобразительного и археологического характера. Автор хорошо обосновывает актуальность работы, показывая, что, несмотря на обилие исследований по этой теме, «мировая историография до сих пор испытывает недостаток комплексных работ, в которых были бы системно проанализированы различные стратегии репрезентации императорской власти» (с. 5). Эту историографическую лакуну и стремится заполнить диссертант.

Работа состоит из Введения, четырёх глав, Заключения, списка источников и литературы, двух приложений с иллюстрациями и списком иллюстраций. Введение даёт вполне адекватное представление о проблематике работы. Особенно приятное впечатление создает скрупулёзный историографический обзор, в котором отражены основные достижения исторической науки. Тема репрезентации власти включена в более общие рамки изучения политической сущности Поздней Римской империи, т.н. «домината», отмечены классические труды (Гиббон, Моммзен, Ростовцев) и дана оценка многочисленным сочинениям последних лет, при этом практически отсутствует искусственное деление историографии на отечественных и зарубежных авторов, развитие научной мысли в целом представлено в общемировом контексте. Не менее впечатляет методологический раздел Введения, занявший более восьми страниц (с. 24–33). Содержательный, глубокий, проработанный, этот раздел раскрывает в своём авторе человека с глубокими теоретическими познаниями, готового предложить науке насыщенный смыслами обобщающий синтетический труд, что обеспечивает исследованию высокую убедительность и делает его весьма занимательным для читателя. Вслед за Б. Штольберг-Риллингер автор называет свой подход «культурной историей политического» (с. 24), подробно описывая его характерные черты и даже приводя историю его становления и развития. Также содержателен и вместе с тем лаконичен обзор источников, чётко и грамотно представлена их типологизация. Не вызывают вопросов основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе диссертации подробнее описывается административная система Поздней империи: структура императорского двора, ключевые должности, система регионального управления; в заключительном параграфе этой главы предлагается общая теоретическая оценка описанной системы. Особенно интересен взгляд диссертанта на систему рангов и достоинств чиновников как важный инструмент репрезентации императора, отчасти компенсировавший слабость его реальной

власти на местах (с. 71). Не вызывает возражений и основной вывод о военной природе административной службы, структура которой создавала благоприятные условия для злоупотреблений (с. 70).

Во второй главе анализируется материальное и символическое пространство императорского дворца. Пристальное внимание уделяется ритуалам, регламентировавшим доступ подданных к правителю. Особенно удачно, на наш взгляд, В.А. Конопаткин раскрывает античную сущность ритуала *adoratio*, отыскивая его истоки в традиционном для Рима эпохи Республики и Принципата ритуале *salutatio*, а также подчёркивая весомую роль самих подданных и их восприятия власти в складывании практики коленопреклонения перед императором, мольбы и целования ног (особ. с. 95–97).

В третьей главе репрезентация императора рассматривается уже в рамках городского пространства. Исследуются вопросы выбора императорской резиденции, городские ритуалы, публичные празднества. Любопытен и убедителен взгляд диссертанта на ипподром как микрокосм империи и пространство для формирования *consensus omnium*, сопоставимое по своему значению с императорским дворцом (с. 167–168, 171).

В четвёртой главе исследуются символические механизмы, с помощью которых верховная власть проникала в повседневную жизнь провинций. Автору удалось создать цельную картину проявления императорской власти через такие, казалось бы, непохожие друг на друга институты, как статусные пожалования чиновникам, ритуалы аккламации, императорская иконография, процесс оглашения императорских законов. Особый интерес вызывает прочтение в этом контексте института распределения чиновничьих должностей. В.А. Конопаткин умело анализирует терминологию, которой описывается «назначение» на должность, обоснованно указывая, что перед нами не столько *назначение* чиновника в современном смысле этого слова, сколько акт *дарения* статуса (с. 174–175).

Осуществлённая работа позволила диссертанту прийти к вполне реалистичному выводу, согласно которому «несмотря на политическую и институциональную нестабильность эпохи, власть августов сохраняла устойчивость благодаря разветвленной системе символических практик, обеспечивавших её непрерывное воспроизводство и признание» (с. 217).

Однако при всех своих достоинствах диссертация В.А. Конопаткина не лишена, с нашей точки зрения, существенных недостатков, на которых мы позволим себе остановиться подробнее.

Как уже отмечалось, актуальность исследования обоснована хорошо, но всё же в самой первой части Введения (с. 4–5) речь должна идти об актуальности темы в самом общем виде, безотносительно степени её изученности, тогда как диссертант останавливается здесь преимущественно на актуальности историографической, вынуждая себя повторяться в разделе, посвящённом степени разработанности проблемы.

Ряд вопросов возникает и при знакомстве с обзором историографии. Особое недоумение вызывает то, что автор часто пренебрегает точными ссылками на обобьеваемые труды. К примеру, излагая взгляды Т. Моммзена на доминат (с. 6), В.А. Конопаткин приводит в примечании его трёхтомник¹, забывая при этом указать точный том и страницы, на которых читатель мог бы ознакомиться с этими взглядами. Отсюда возникает ощущение — безусловно, ложное, — будто бы диссертант не работает с самой литературой, но лишь приводит её пересказ из работ других исследователей (также см. прим. 7, 13, 14, 15, 16, 17, 20, 22, 23, 24, 26, 27, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 43, 45, 46, 47, 48 и др.). Особенно странным кажется включение М.И. Ростовцева в плеяду историков XIX – начала XX в., которые, говоря о становлении домината, сводили «сложные процессы трансформации власти к простой схеме заимствования “восточных” деспотических практик» (с. 10), и при этом аргументировать данную мысль одной лишь ссылкой на второй том

¹ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht: in 3 Bd. Leipzig, 1871–1888.

«Общества и хозяйства Римской империи» без указания конкретных страниц, где читатель мог бы найти подтверждения таким выводам (с. 9, прим. 22). Всё-таки несмотря на то, что Ростовцев называл доминат «восточной деспотией», главной причиной политических изменений он видел *внутренние*, социальные трансформации, а не заимствования с востока: «городская буржуазия» как опора государства уступила место «крестьянской массе», что повлекло за собой упрощение всех сфер общественной жизни, включая политическую².

Один из важнейших теоретических мотивов диссертации В.А. Конопаткина, как нам показалось, — это отрицание принципиальной качественной разницы между эпохами Принципата и Домината. Ключевым автором таких взглядов в работе назван Й. Бляйкен. Диссертант, ссылаясь на его эссе, пишет, что Бляйкен «подверг сомнению правомерность разделения римского императорского правления на принципат и доминат на основании принципов, выделенных Т. Моммзеном. По его мнению, это разделение не имеет под собой реальных конституционных оснований и представляет собой скорее искусственную конструкцию» (с. 6). Однако если взглянуть на более фундаментальный труд Бляйкена³, о котором, думается, тоже стоило упомянуть, выясняется, что его взгляды не так уж далеки от взглядов Моммзена. Разница между принцепсом и доминусом для учёного заключалась в том, что первый был ограничен правом, тогда как последний над правом возвышался и был «сам себе господином» (Selbstherr)⁴. На наш взгляд, говоря о критике разделения истории Римской империи на Принципат и Доминат, следовало бы в первую очередь обратиться к работам Викерта и Беранже⁵, в которых сущностное различие между названными эпохами отрицается гораздо радикальнее. Викерт писал об идентичности понятий принцепса и

² Ростовцев М.И. Общество и хозяйство Римской империи. Т. 2. М., 2001. С. 211–214.

³ Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte des Römischen Kaiserreiches. 2 Bde. 1994–1995.

⁴ Ibid. Bd. 1. S. 12.

⁵ Напр., Wickert L. Princeps (civitatis) // RE. XXII.2. 1954. Sp. 1998–2296; Béranger J. Principatus. Études de notions et d'histoire politiques dans l'antiquité gréco-romaine. Genève, 1973.

доминуса. Примерно в этом же ключе рассуждает О. Хекстер в хорошо известной диссертанту монографии⁶, однако в обзоре литературы эта книга упомянута просто как существующая (с. 22, прим. 102).

Сосредоточенность на поиске общего между принципатом и доминатом порой приводит соискателя к неоправданным преувеличениям. Говоря о важности идеи доступности императора для его подданных, автор, в сущности, ставит знак равенства между содержанием этой идеи в разные эпохи (с. 73–74). Но всё-таки в период принципата доступность правителя мыслилась в гражданском ключе — принцепс должен был вести себя подобно магистрату, — и едва ли в Поздней империи монарх продолжал восприниматься в том же качестве. Приведённые диссертантом источники этого не подтверждают; напротив, по нашему мнению, они подчёркивают различия.

Методологический раздел диссертации написан превосходно, однако и он не лишён недостатков. Помимо научного подхода, следовало описать и основные методы исследования, ведь культурной историей политического можно заниматься по-разному — с помощью дискурс-анализа, семантического анализа, интертекстуального анализа и т.д. Вызывают вопросы и некоторые утверждения. Например, не выглядит обоснованным столь категоричный отказ от термина «пропаганда». Конечно, авторский подход скорее предлагает понимать «визуальные репрезентации императора как часть диалога между властью и обществом, а не как инструмент прямого идеологического давления» (с. 30)⁷. Но всегда ли императорские изображения — это элементы диалога? Складывается впечатление, будто бы автор считает, что одностороннее воздействие государства на общество в принципе невозможно, хотя тот же политико-антропологический подход в общем-то его

⁶ Hekster O. Caesar Rules: The Emperor in the Changing Roman World (c. 50 BC – AD 565). Cambridge; New York, 2023. P. 10, 74–75, 95–96.

⁷ Вместе с тем диссертант, противореча обозначенной методологической посылке, может определить цель того или иного ритуала как вполне одностороннее *внушение* подданным выгодных для власти мыслей (напр., с. 146).

допускает. Об этом пишет хорошо известный диссертанту М.А. Бойцов, говоря о ситуации, когда символическая коммуникация прерывается и образ власти, поведение её носителей становятся неадекватными, расходятся с общественными запросами, и тогда власть теряет легитимность, что чревато восстанием и свержением этой власти⁸. Отталкиваясь от теоретической установки, согласно которой образ власти — это *всегда* результат или элемент сложного диалога, исследователь рискует упустить динамику политической культуры эпохи, важные индивидуализирующие эмпирические нюансы и в результате исказить действительность в угоду заданной теоретической схеме.

В.А. Конопаткину удалось привлечь внушительный объём материалов, и в работе действительно используются все названные источники. Но всё же центральное место в ней занимают нарративные произведения, редко можно встретить анализ эпиграфики, и практически не используются монеты (при этом 4 из 7 страниц раздела 4.3 посвящены рассуждениям о монетах как историческом источнике). Также список основных, нарративных источников стоило расширить художественными произведениями. Диссертант претендует на комплексное исследование, обосновывая этим его актуальность и новизну (с. 23–24), однако практически полностью упускает античную поэзию — одно из узловых пристанищ политического воображения. Это упущение тем досаднее, что в работе большое внимание уделено панегирику Кориппа, от которого до нас дошла оставленная без внимания соискателя поэма «Иоаннида».

Довольно часто в диссертации встречаются малообоснованные утверждения, например:

— Немаловажная для темы проблема — почему после смерти Феодосия Великого император перестал восприниматься предводителем войска — объясняется только малолетством наследников, Аркадия и Гонория, которые

⁸ См.: Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 13; он же. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии. СПб., 2010. С. 11–13.

не могли стоять во главе войска и вести самостоятельную политику (с. 76). Такого объяснения явно недостаточно, ведь подобные ситуации складывались и раньше, но они не вели к отказу от образа правителя-военачальника.

— Утверждение о существовании «мистической» функции у балдахина императорского трона, утаивающего «сакральное» от «профанного», доказывается лишь двумя цитатами из Иоанна Златоуста, содержание которых совершенно никак не анализируется и не интерпретируется диссертантом (с. 84).

— Из простого описания придворного церемониала бездоказательно заключается, что он «служил формированию общественного консенсуса относительно распределения власти вокруг императора» (с. 109).

— Не убедительно умозаключение, сформулированное на основе простого сложения мнений исследователей, о причинах, по которым пребывание в Риме имело большое значение для императоров (с. 125–126).

— Ни из чего не следует и никак не обосновывается вывод, согласно которому «для рядового жителя империи власть наместника была ничем иным, как воплощением императорской воли, независимо от того, кто её исполнял» (с. 176–177).

— Совершенно не объясняется, почему феномен императорских подарков следует рассматривать исключительно в контексте символического дарообмена и почему в этой практике нельзя усматривать вслед за Р. Макмалленом свидетельство экономического коллапса Империи (с. 204).

Вполне очевидно, что указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Это состоявшийся, самостоятельный труд, имеющий огромные перспективы для развития. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.6.2. Всеобщая история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете

имени М.В. Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Конопаткин Владислав Алексеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Официальный оппонент:

кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры истории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Усов Дмитрий Андреевич

02.09.2026

Контактные данные:

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация: 5.6.2. Всеобщая история

Адрес места работы:

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Кафедра истории государства и права
Тел.: 7 (499) 244-88-88 доб.466; e-mail: dausov@msal.ru

Подпись сотрудника Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Д.А. Усова
удостоверяю: